

АГНОСТИЦИЗМ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ В ОСНОВЕ СПРАВЕДЛИВОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

© 2018 г. Ю. А. Ляхов

Юридический факультет Южного федерального университета, Ростов-на-Дону

E-mail: Ljakhoff.yu@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.02.2018 г.

Статья посвящена теоретико-познавательным основам уголовного процесса. Истинность знаний об обстоятельствах совершенного или предполагаемого преступления – непереносимое условие выполнения назначения уголовного судопроизводства, его справедливости.

Ключевые слова: познаваемость объективной реальности, рассудочное и разумное в познании, правовые гарантии установления истины по делу.

DOI: 10.31857/S013207690002188-8

Современные исследования истины в уголовном судопроизводстве в основном направлены на определение роли суда в установлении обстоятельств рассматриваемого преступления. Это вполне оправданно, так как попытки отказаться от состязательного уголовного процесса, возвратиться (хотя бы частично) к неоинквизиционному советскому уголовному процессу не прекращаются.

Однако сегодня не меньшую угрозу для российского уголовного судопроизводства приобретает тенденция, проявляющаяся у целого ряда ученых, – отказаться от самой возможности установления истины по делу¹.

Происходит это иногда совсем просто, безыскусным путем. Например, используется известный юрист (или философ), отрицавший возможность познания объективной реальности человеком, цитируется его утверждение о непознаваемости объектов исследования, и на этом основании строится якобы новая современная концепция российского уголовного судопроизводства². Нередко для этой же цели используется целая группа философов и юристов-агностиков прошлого³. В таких случаях главное – не анализ, ар-

гументы, а противопоставление, отказ от материалистической теории познания, попытка таким образом представить новый этап в развитии юридической науки. Но о каком развитии науки о праве можно говорить, если для этого используются только известные (как правило, давно известные и исследованные) философские концепции идеалистов, агностиков?!

Более развернутое обоснование агностицизма уголовного судопроизводства мы находим у тех авторов, которые утверждают, что материалистическая гносеология устарела, что она не учитывает всех сложностей познания, достижений современных наук⁴. По этой причине методологической основой, по их мнению, должна быть современная постнеоклассическая философия (философия постмодернизма), и в частности одно из влиятельных течений современной философии науки – конструктивизм.

Установление истины (истинность знаний об обстоятельствах совершенного преступления) – абсолютно необходимое условие для достижения любых целей уголовного судопроизводства. В тех же случаях, когда правильное установление обстоятельств совершенного преступления не рассматривается как задача уголовного процесса, тогда и нет нужды в изучении, анализе гносеологических проблем уголовного судопроизводства.

Крен в сторону агностицизма в науке уголовного процесса в постсоветский период (90-е годы XX столетия) появился, по нашему мнению, в связи с некорректным отстаиванием принципа состязательности. Да, это – важный принцип, определивший основное направление реформирования российского

¹ См. об этом: *Победкин А.В.* Теория уголовно-процессуального доказывания: не допустить ревизии // *Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты.* М., 2016. С. 360–365.

² См.: *Лазарева В.А.* Доказывание в уголовном процессе. М., 2012. С. 27, 40.

³ См.: *Туленков Д.П.* Познавательная деятельность при производстве по уголовным делам с участием присяжных заседателей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2017. С. 7.

⁴ См.: *Сокол В.Ю.* Кризис отечественной криминалистики. Краснодар, 2017. С. 77, 161, 162 и др.

уголовного процесса. Да, необходимо было уйти от розыскного (а по сути, неоинквизиционного) судопроизводства, освободив суд от обязанности устанавливать вместе с обвинением все обстоятельства совершенного преступления. Но утверждать, что состоятельность уголовного процесса только там, где суд абсолютно пассивен, не заинтересован в установлении истины по делу, — значит, игнорировать социальное значение, роль судебной власти в государстве. А именно этот смысл содержится в широко известном утверждении С.А. Пашина, внесшего заметный вклад в осуществление судебной реформы в России. Он неоднократно настаивал на том, что «юрист отвечает не за обнаружение истины, а лишь за то, чтобы результат судебного разбирательства был достигнут определенным образом.... Иными словами, цель смещается с результата на средства»⁵.

Ну а раз в суде не устанавливается истина, если результат судебного разбирательства вообще не имеет какого-либо значения, то почему бы в основу уголовно-процессуального познания не поставить философское обоснование о непознаваемости объективной реальности? Воистину, свято место пусто не бывает.

Теоретико-познавательное, философское обоснование агностицизма в уголовном судопроизводстве обычно дополняют сложностями уголовно-процессуального познания, его предмета, спецификой средств этого познания, активной ролью познающего. Но все-таки главным остается вопрос: в состоянии ли субъект познания — человек правильно установить предметы, явления окружающего его мира.

Как правило, философы начало процесса познания обоснованно связывают с непосредственным восприятием познаваемого предмета или явления. На этом этапе формируется знание из обобщенных чувственных данных по правилам рассудка (формальная логика, опора на опыт, практику...). Но такое познание (рассудочное) не дает возможности не только познать сущность изучаемых предметов, явлений, но даже получить исчерпывающие знания о содержании изучаемых объектов. Познание же сущности изучаемых предметов или явлений возможно лишь при обращении к мышлению, разуму, которые вскрывают и формулируют истинные знания об изучаемых объектах, определяют их сущность, вырабатывают научные понятия в процессе исследования.

Характеристике рассудочного познания и разумного мышления многие философы (среди них такие гиганты, как Платон, Аристотель, И. Кант, Г. Гегель) уделяли значительное внимание. Целый ряд их суждений по проблемам рассудка и разума — серьезная научная ценность. Однако с чем, по нашему мнению, категорически нельзя согласиться, так это с противопоставлением рассудочного знания и знания, получаемого в результате мышления, разумом. Полный отрыв в познании рассудочного и разумного, их противопоставление друг другу ведут к идеалистическому представлению о результатах познания, к конструи-

рованию сознанием познающего (свободным от каких-либо ограничений, оторванных от объектов исследования) понятий, сущности объектов познания. Сознание из самого себя, под влиянием самого себя дает разумные ответы в познании окружающей нас действительности. В таких условиях говорить о реальности наших знаний, об их истинности можно, только оторвавшись от действительности. Исключать из процесса познания рассудочный этап — значит, исключать и сам реальный объект познания.

По нашему мнению, несмотря на существенные различия рассудочного и разумного познания, это — единый процесс познания, единое целое, в котором различные этапы выполняют специфическую атрибутивную роль.

Современный философский конструктивизм, гипертрафируя роль познающего, роль мышления, отрывая мышление от объекта познания предлагает результатом познания считать создаваемую мышлением конструкцию, модель познаваемого объекта. Конечно, все это, как мы считаем, далеко от познания объективной действительности. Недаром конструктивисты утверждают, что знание вообще не может соответствовать объективной реальности, поскольку единственной реальностью является сама конструкция, порождаемая исследователем на основе своего сенсорного опыта. Агностицизм в его очевидной субъективно-идеалистической форме представляет сущность философского конструктивизма.

Практические трудности уголовно-процессуального познания, сложность его предмета, специфика средств познания, особенности субъектов познания⁶ не должны приводить, по нашему мнению, к выводам гносеологического характера. Особенности уголовно-процессуального познания отнюдь не дают оснований для вывода о том, что получаемые в результате знания не только субъективны, но и относительны, «как относительны вообще пределы человеческих возможностей познания мира»⁷.

Правильное установление обстоятельств совершенного преступления всегда рассматривалось человечеством как задача уголовного судопроизводства — справедливого уголовного судопроизводства. Эту цель уголовного судопроизводства с полным основанием можно отнести к общечеловеческим ценностям. Именно поэтому еще в древности пытались воплотить это в жизнь, в реальное уголовное судопроизводство.

Вспомним Древнюю Грецию, в которой архонт-базилевс для обеспечения достоверности материалов, передаваемых для разрешения уголовных дел об убийствах в ареопаг, эфеты или гелиасты, трижды подряд проводил полную предварительную подготовку дела⁸, или дошедшее до нас еще со времен Древнего Рима положение «*Testis unus — testis nullius*» («один свидетель — не свидетель»).

⁶ См.: *Воскобитова Л.А.* Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве // *Философские науки.* 2013. № 12. С. 21–30.

⁷ См.: *Лазарева В.А.* Указ. соч. С. 37.

⁸ См.: *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс советского уголовного-процессуального права. Т. 1. М., 1957. С. 85.

⁵ *Пашин С.А.* Проблемы доказательственного права // *Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования.* Дискуссии. М., 1995. С. 312.

Не случаен и повсеместный отказ от средневекового инквизиционного суда, производство в котором не могло да и не преследовало установления истины по делу.

Некоторые современные ученые-юристы задачу установления объективной истины при расследовании и судебном рассмотрении совершенного преступления связывают с советским периодом России, с ошибочной, идеологизированной тогдашней оценкой общественных явлений. “Не чем иным, как проявлением советского опыта, методологического наследия диалектического материализма в интерпретации явлений юридического дискурса, подобное не объяснить”, — пишет в своей статье “О значении концепции объективной истины” А. Александров⁹. Однако еще задолго до появления советской России уголовно-процессуальное законодательство нашей страны ставило перед должностными лицами, осуществлявшими производство по уголовному делу, задачу установления действительных обстоятельств совершенного преступления, задачу установления истины. Так, согласно ст. 265 Устава уголовного судопроизводства России 1864 г. судебный следователь при производстве следствия обязан был “с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие”¹⁰. Еще более категорично Устав уголовного судопроизводства определил задачу председателя суда, который должен был “направлять ход дела к тому порядку, который наиболее способствует раскрытию истины” (ст. 613 УУС)¹¹.

По нашему мнению, несмотря на предпринимаемые сегодня попытки в науке уголовного процесса выхолостить его содержание, лишить цели и социальной значимости, реальность в России такова, что уголовно-процессуальное доказывание осуществляется в соответствии с материалистической теорией познания.

Материалистическая диалектика лежит в основе уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующего процесс доказывания, — раздел “Доказательства и доказывание” УПК РФ и др. Эффективность российского законодательства — в его соответствии закономерностям материалистической гносеологии, в правильном учете этих закономерностей, в установлении правовых гарантий возможности достижения истины по делу.

Основными правовыми гарантиями возможности установления истины по делу, по нашему мнению, являются следующие законодательные положения и практика их реализации.

1. Для преодоления возможного субъективизма в исследовании обстоятельств совершенного преступления процесс доказывания осуществляется не одним, а несколькими участниками уголовного судопроизводства. Эти участники уголовного процесса (дознатель, следователь, прокурор, государственный

обвинитель, а с учетом серьезной специфики и суд) в установленной законом последовательности в полном объеме исследуют все обстоятельства совершенного преступления. В судебном разбирательстве эти гарантии против субъективизма в доказывании значительно повышаются за счет состязательности судебного разбирательства, равноправия сторон в исследовании доказательств и освобождения суда от обязанности доказывания.

2. Получение объективно правильного знания об обстоятельствах совершенного преступления обеспечивается и правилами использования, оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ). Объективно правильный вывод может быть сделан только из совокупности источников сведений, совокупности различных объектов со следами преступления. Такая совокупность позволяет проверить и оценить, отбросить все случайное, субъективное, ошибочное.

3. Серьезной гарантией установления истины в уголовном процессе является такое его построение, когда обе стороны — и обвинение, и защита — имеют равные права, равные возможности на отстаивание, обоснование своих позиций. Учитывая это, законодатель закрепил наряду с состязательностью равноправие сторон в Конституции РФ (ч. 3 ст. 123). Этим обеспечивается и всесторонность исследования обстоятельств совершенного предполагаемого преступления.

Именно поэтому уголовно-процессуальное законодательство обязывает соответствующие государственные органы и должностных лиц при производстве по уголовному делу доказывать не только обстоятельства обвинения, обстоятельства совершения преступления, но и обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (ст. 73 УПК РФ).

В обвинительном заключении следователь, в обвинительном акте или постановлении дознаватель обязаны привести наряду с перечнем доказательств, подтверждающих обвинение, и перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, с кратким изложением их содержания (ст. 220, 225, 226⁷ УПК РФ).

В судебном заседании стороны обвинения и защиты пользуются равными правами при рассмотрении всех вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства (ст. 224 УПК РФ). А суд в судебном заседании до принятия решения по любому возникшему вопросу обязательно выясняет мнение сторон, выслушивает их аргументацию.

4. Разветвленная и всеохватывающая система ведомственного и судебного контроля обоснованности принимаемых в уголовном процессе решений также служит задаче установления истины по делу. Правильно поставленный процессуальный контроль начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, руководителя следственного органа, прокурорский надзор за расследованием уголовных дел, законностью и обоснованностью судебных решений, судебный контроль за досудебным производством, непосредственное исследование судом с уча-

⁹ Росс. юстиция. 1999. № 1. С. 24.

¹⁰ Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная форма. М., 1991. С. 146.

¹¹ Там же. С. 179.

ствием сторон доказательств по делу, проверка вышестоящими судами судебных решений — все это правовые гарантии использования в уголовном процессе возможности получения знаний, соответствующих реальной действительности, имевшей место в прошлом. По сути весь правовой порядок расследования и разрешения уголовных дел, его соблюдение обеспечивают возможность установления объективной истины по совершенному преступлению.

Противники изложенного в качестве аргументов часто используют тот факт, что многие совершенные и расследуемые преступления так и остаются нераскрытыми и истина по ним не устанавливается. Практические трудности установления истины по делу, реализация возможностей ее установления отнюдь не должны ставить под сомнение гносеологическую основу познавательной деятельности в уголовном судопроизводстве. Да, не каждое совершенное преступление можно раскрыть. Но объясняется это совсем другими причинами: отсутствием необходимого количества следов преступления, противодействием расследованию (уничтожение следов преступления, их фальсификация), неисправимыми ошибками следователей и т.п.

Считаем, что весь свой критический пафос противники объективной истины в уголовном судопроизводстве должны направить не на отрицание возможности истинного признания обстоятельств совершенного преступления. Это — ошибочный, опровергнутый исторической практикой путь. Критику следует сосредоточить на недопустимости в уголовном процессе возлагать на суд обязанности обвинения, а также процессуальную обязанность поиска доказательств обвинения или оправдания, подменяя обязанности сторон.

Полагаем, что нет никаких оснований строить российский уголовный процесс на основе агностицизма, на основе отказа от установления действительных обстоятельств совершенного преступления. Справедливое уголовное судопроизводство должно быть направлено, используя язык Устава уголовного судопроизводства России 1864 г., “на раскрытие истины”¹². И это фундаментальное положение, эта оправдавшая себя традиция имеет в России давнюю историю, является важнейшей частью правового менталитета российского общества.

¹² Об этом прямо говорилось еще в Уставе уголовного судопроизводства России 1864 г. (ст. 613).

AGNOSTICISM CAN NOT BE IN THE BASE OF FAIR TRIAL

© 2018 Yu. A. Lyakhov

The Faculty of Law of the Southern Federal University, Rostov-on-Don

E-mail: Ljakhoff.yu@yandex.ru

Received 09.02.2018

The article is devoted to the theoretical and cognitive bases of the criminal process. The truth of knowledge about the circumstances of committed or alleged offense is an indispensable condition for the performance of the appointment of a criminal trial, its fairness.

Key words: cognition of objective reality, rational and reasonable in cognition, legal guarantees of establishing the truth in the case.